

А Р К А Д И Й А В Е Р Ч Е Н К О

Р.185
199

рп 1-72
10378

РА С С К А З Ы Л И Н И К А

51-2593

П Р А Г А

XXVI-4010

Издательство
ПЛАМН
В ПРАГЕ
под общим
руководством
профессора
Е. А. ЛИЦКОГО

1925

РАССКАЗЫ ЦИННИКА

LEGIOTRAFIE
Praha-Vršovice Sámkova 665

ИСКУССТВО И ПУБЛИКА

(Вместо предисловия)

Вы — писатели, актеры и живописцы! Вы все (да и я тоже) пишете, играете и рисуете для того многоголового таинственного зверя, который именуется *публикой*.

Что же это за таинственный такой зверь? Приходило ли кому-нибудь в голову математически вычислить средний культурный и эстетический уровень этого «зверя»?..

Ведь те, с которыми мы в жизни встречаемся, в чьем обществе вращаемся, кто устно по знакомству разбирает наши произведения — эти люди, в сущности, — не публика. Они, благодаря именно близости к нам, уже искушены, уже немного отравлены сладким пониманием тонкого яда, именуемого «искусством».

А кто же те, остальные? Та Марья Кондратьевна, которая аплодирует вам, Шаяпин, тот Игнатий Захарыч, который рассматривает ваши, Борис Гри-

горьев, репродукции в журнале «Жар-Птица», тот Семен Семеныч, который читает мои рассказы.

Таинственные близкие незнакомцы — кто вы?

Недавно я, сидя на одном симфоническом концерте, услышал сзади себя диалог двух соседей по креслу (о, диалог всего в шесть слов).

— Скажите, это — Григ?

— Простите, я приезжий.

Этот шести-словный диалог дал мне повод вспомнить другой диалог, слышанный мною лет двенадцать тому назад; не откроет ли он немного ту завесу, за которой таинственно прячется «многоголовый зверь»?

Двенадцать лет тому назад я сидел в зале Дворянского собрания на красном бархатном диване и слушал концерт симфонического оркестра, которым дирижировал восьмилетний Вилли Ферреро*).

Я не стенограф, но память у меня хорошая... Поэтому, постараюсь стенографически передать тот разговор, который велся сзади меня зрителями, тоже сидевшими на красных бархатных диванах.

— Слушайте, — спросил один господин своего

*) Этот крохотный гениальный мальчик разъезжал по России, с огромным успехом в годы 1911—1913 выступая, как дирижер огромного симфонического оркестра. Впечатление от его концертов было потрясающее. Несколько лет тому назад Вилли Ферреро умер.

(Прим. автора).

знакомого, прослушав гениально проведенный гениальным дирижером «Танец Анитры». — Чем вы это объясняете?

— Что?

— Да вот то, что он так замечательно дирижирует.

— Простой карлик.

— То-есть, что вы этим хотите сказать?

— Я говорю — этот Ферреро — карлик. Ему, может быть, лет сорок. Его лет тридцать учили-учили, а теперь вот — выпустили.

— Да не может этого быть, что вы! Поглядыте на его лицо! У карликов лица сморщенные, старобразные, а у Вилли типичное личико восьмилетнего шалуна, с нежным овалом и пухлыми детскими губками.

— Тогда, значит, гипнотизм.

— Какой гипнотизм?

— Знаете, который усыпляет. Загипнотизировали мальчишку и выпустили. Махай, мол, палочкой.

— Позвольте! Все ученые заявили, что под гипнозом человек может делать только то, что он умеет делать и в нормальной жизни. Так, например, девушку можно под гипнозом заставить поцеловать находящегося вблизи мужчину, но никак нельзя заставить говорить ее по-английски, если она не знала раньше английского языка.

— Серьезно?

— Ну конечно.

— Тогда все это очень странно.

— В том-то и дело. Я поэтому и спрашиваю: чем вы объясняете это?

— Может, его мучили?

— Как мучили?

— Да вот, знаете, как маленьких акробатов... Рассказывают, что их выламывают и даже варят в молоке, чтобы у них кости сделались мягче.

— Ну, что вы! Где же это видано, чтобы дирижера в молоке варили?

— Я не говорю в буквальном смысле — в молоке. Может быть, просто истязали. Схватят его за волосы и ну терзать: «дирижируй, паршивец!» Плачет мальчик, а дирижирует. Голодом морят тоже иногда.

— Ну, что вы! При чем тут истязания. Вон даже клоуны, которые выводят дрессированных петухов и крыс, — и те действуют лаской.

— Ну, что там ваша ласка! Если и добиваются лаской, так пустяков — петух, потянув клювом веревку, стреляет из пистолета, а крыса расхаживает в костюме начальника станции. Вот вам и вся ласка. А здесь — маленький мальчуган дирижирует симфоническим оркестром! Этого лаской не добьешься.

— Значит, по-вашему, его родители истязали? Странная гипотеза! — Он обиженно пожал плечами.

— Значит, по-вашему выходит так: берем мы обыкновенного миловидного мальчика, начинаем истязать, колотить его по чем попало — и мальчишка через год—два уже дирижирует симфоническим оркестром так, что все приходят в восторг?!.. Просто же вы смотрите на вещи.

— Виноват! Вы вот все меня спрашиваете: объясни, да объясни. А как вы сами объясняете?

— Что? Вилли Ферреро?

— Да-с.

— Тут если и может быть объяснение, то гораздо сложнее. Последние завоевания оптической техники...

— Вы думаете — посредством зеркал?

— То-есть?

— Знаете, зеркало под известным углом... Фокусники достигают того, что...

— Нет-с, это пустяки. А видел я летом в «Аквариуме» механического живописца. Маленький человек, который собственноручно портреты с публики писал. Представьте себе, я узнал как это делается: он соединен электрическим проводом с настоящим живописцем, который сидит за кулисами и рисует на другой бумаге. И что же вы думаете! Устроено так, что маленький живописец гениально точно повторяет все его движения и рисует очень похоже.

— Позвольте! Механического человека можно